

rozważań. Jest to ważne i cenne dla rusycystki polskiej (nie tylko polskiej) opracowanie interesującego zagadnienia odnoszącego się do „słusznie minionych czasów”.

Michał Sarnowski
Uniwersytet Wrocławski

Виктория Трофимовна Захарова, *Проза М. Горького Серебряного века*, НГПУ, Нижний Новгород 2008, сс. 82.

Монография Захаровой выделяется в ряду текстов, посвященных прозе М. Горького тем, что она, во-первых, обращается к творчеству не культового, глянцевого писателя советской эпохи, а живого человека, художника, который, между прочим, еще до Октябрьской революции считался самым популярным писателем в России. Стоит отметить, что в Нижнем Новгороде, городе связанном с именем автора *Несвоевременных мыслей*, ежегодно проводится Международная научная конференция – Горьковские чтения. Недаром Л. Трубина констатирует: „Горький стал живущим в современности классиком и для тех, кто почтительно признавал это, и для тех, кто рьяно это отрицал”³.

Виктория Трофимовна Захарова, известный профессор из Нижнего Новгорода, автор многих трудов по истории русской литературы XX века, обратилась к творчеству Горького, которое отличается жанровым многообразием. Горький, как доказывает профессор Захарова, явился не только основоположником советской литературы и продолжателем великих традиций русской классической литературы, он оказал существенное влияние на советскую литературу, вызвав большие споры своим творчеством также в эмиграции. Основные идеи и образы Горького получили развитие в творчестве В. Маяковского, А. Серафимовича, А. Фадеева, М. Шолохова, К. Федина, Н. Островского, А. Макаренко, Ф. Гладкова, С. Айни, М. Ауэзова, А. Упита, В. Лациса и других советских писателей.

В рецензируемой монографии автор обратился к прозе М. Горького периода Серебряного века на материале ранних художественных опытов писателя вплоть до его автобиографических произведений *Детство* и *В людях*, завершающих дооктябрьский период творчества. В основу книги положены дополнительные и переработанные статьи автора, публиковавшиеся в научных изданиях.

Монография *Проза М. Горького Серебряного века* состоит из введения, трех разделов (каждый из 2–4 подразделов), заключения и библиографии. Во *Введении* дается краткий обзор культурного пространства Серебряного века, автор приходит к выводу, что сегодня актуальной является задача включения в этот круг творчества М. Горького. Захарова справедливо подчеркивает, что: „Возвращение М. Горького

³ См. Л. Трубина, *Русская литература XX века*, Москва 2008, с. 87.

в культурное пространство Серебряного века происходит позднее, чем это случилось с другими писателями. Конечно, это объяснимо тем, что в бытовавшей долгие годы классификации литературного процесса ему отводилось совершенно особое место, – в иерархической линии литературного развития это было место, противоположное «по знаку» модернизму. А поскольку в нашей [русской – Б.В.] истории принято периодически менять знаки местами, неудивительно, что модернисты вскоре получили «плюс», а М. Горький – «минус»” (с. 4). Трудно не согласиться с мнением Захаровой. До сих пор существует разное отношение к жизни и творчеству М. Горького. В этой связи примечательной, на наш взгляд, является книга Н. Примочкиной *Горький и писатели русского зарубежья*, в которой проводится анализ усилий Горького по наведению культурных «мостов» между метрополией и эмиграцией.

В первом разделе рецензируемой книги, озаглавленном: *Типологические особенности художественного сознания М. Горького дооктябрьских лет* Захарова обращается к импрессионизму в ранней прозе автора *Макара Чудры* и его интересу к реализму и символизму, сочетание которых Евгений Замятин назвал „неореализмом”. Итак, в первом подразделе, названном *Импрессионизм в ранней прозе М. Горького 1890-х–1900-х годов* автор монографии делает упор на „одушевление природы” и „антропоморфизм”, которые стали главными элементами стилеобразующих черт в зрелом творчестве Горького. Он использовал элементы фольклора, одушевлял природу („Мгла осенней ночи вздрагивала и пугливо озиралась, открывая степь и море...”). Человек и природа в его прозе часто отождествлялись. Животные и птицы в ранних рассказах Горького становились символами (Уж, Сокол, Буревестник). В этой связи Захарова обращается к рассказу Горького *Мальва* (1897) и показывает в нем отражение автором антропоморфизма природы. В анализируемом рассказе *Скуки ради* (1897) представлен образ мира и проблема смысла жизни. В рассказе *Тюрьма* – показан жизненный пласт повседневности, „свинцовые мерзосты” жизни и многообразие человеческих характеров. Захарова пытается доказать, что в произведениях Горького суровый реализм изображения сочетается с верой в человека. Сказанное подтверждает реалистический рассказ *Рождение человека*, открывающий цикл *По Руси*, в котором Горький ищет общепhilosophического начала, причастности человека к жизни мироздания, сложной биологической, социальной и исторической взаимообусловленности бытия. Чаще всего анализ этого цикла проводился Захаровой с точки зрения собирательного образа русского народа. В результате формируется, на наш взгляд, своеобразный художественный стиль автора.

Автор монографии не ограничивается поиском философского начала в самих ранних рассказах Горького. Захарова делает попытку анализа космизма горьковского мировосприятия в 1910-е годы. Уместно сравнивается в этой связи творчество Горького с Буниным и Зайцевым: „Но если у Ив. Бунина космическое сознание тяготело к осмыслению трагических начал бытия, у Зайцева – наоборот – символизировало гармонически целесообразную сопряженность человека с миром

(«лириком космоса» называла его критика), то у М. Горького здесь своя интонация. Это ощущение драматизма бытия, в котором царствует прекрасное солнце, так много потрудившееся для людей, а не удались людишки (Калинин). И отсюда стремление разделить с людьми, какие они ни есть, все, что ниспослано жизнью» (с. 20). По мнению Захаровой, космизм художественного сознания М. Горького свидетельствовал о том, что писатель своим ранним творчеством вписывался в философско-эстетический поиск русской литературы Серебряного века.

Во втором разделе, названном *Поэтика художественного пространства и времени в прозе М. Горького конца XIX – начала XX века*, рассматриваются ранние рассказы писателя, а также его повести *Фома Гордеев*, *Трое*, *Жизнь Матвея Кожмякина*, *Детство*, *В людях* с точки зрения образа внешнего мира, пространства, поэтики времени и хронотопа. Отмечая высокохудожественные творения автора *Детства*, Захарова совершенно обоснованно пишет о русской литературе XX века, которая получает новую жизнь в традиционных жанрах. Автор монографии демонстрирует глубокое понимание духа времени: духовная атмосфера тех лет не просто осмыслена, но по-настоящему прочувствована ею. Удачно подобранные и прокомментированные автором произведения М. Горького, воспроизводят яркий образ творчества писателя, уловившего носящуюся в воздухе идею „неореалистичности“. Следует отдать должное вкусу автора монографии также в подборе иллюстративного материала – приведенные ею цитаты точны и концептуальны.

Глава третья (*Онтологические аспекты дооктябрьской прозы М. Горького*) посвящена проблеме индивидуализма в ранних рассказах Горького, а также теме детства и старости в художественном постижении М. Горького. Захарова начинает свой научный поиск в этом разделе с анализа первого появившегося в печати рассказа М. Горького *Макар Чудра* (1892), настраивая читателя на попытки найти выражение индивидуализма Горьким в его герое. В дальнейшем анализ охватывает рассказы *Старуха Изергиль* и *Проходимец*. Создавая такие образы, Горький, как справедливо отмечает Захарова, не боялся „приукрашивания“ жизни, используя приемы своих предшественников.

Автор монографии не ограничивается в этом разделе поиском индивидуализма у горьковских героев. Захарова обращает внимание читателя на топографические образы русской провинции в произведениях Горького. В этом контексте в центре внимания положен цикл *Городок Окуров* (1909), в котором воссоздан сложный облик провинциальной России. Захарова называет Горького урбанистом провинциальной России и в конце раздела справедливо констатирует: „Образ города – неотъемлемая часть его художественного мира. Собираательные типологические черты этого образа – сложный сплав не столько визуально – панорамного «фонового» значения, сколько многогранно-символического, подтекстово-ассоциативного» (с. 69).

Последний подраздел третьего раздела обращен к теме детства и старости в художественном постижении автора *Макара Чудры*. В нем Захарова направляет свой научный поиск на соотносительность детства и старости в художественном

сознании М. Горького. Уместно она подчеркивает факт, что наиболее онтологически значимым оказывается „тип смиренномудрой старости”, которой свойственно бесконфликтное принятие христианского вероучения. С таким мнением автора рецензируемой книги стоит согласиться.

Ко всему сказанному хочется добавить мысли о заключительной части монографии, в которой автор подводя итоги, подчеркивает, что проза Горького ярко вписывается в координаты Вечности и является классикой XX века, впитавшей в себя традиции „золотого века” русской литературы.

Как любая монография, книга В.Т. Захаровой провоцирует читателя на творческий поиск и настраивает его на попытки еще раз обратиться к ранней прозе М. Горького и просмотреть ее с точки зрения вечных бытийных проблем. Ново, ярко и смело прозвучало слово молодого Горького, что воочию отражено в рецензируемой монографии.

В книге много интересного библиографического материала хотя, к сожалению, отсутствуют ссылки на исследования польских или западных ученых.

Автор адресует книгу студентам-филологом, магистрантам, аспирантам, а также преподавателям русской литературы. Список хочется продолжить: культурологам, философам и всем, интересующимся творчеством М. Горького и современным горьковедением.

Beata Wegnerska

Uniwersytet im. Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy

Эліза Ажешка ў эстэтычнай прасторы славянскіх краін. Зборнік артыкулаў, Мінск 2013, сс. 175.

Книга *Эліза Ажешка ў эстэтычнай прасторы славянскіх краін. Зборнік артыкулаў*⁴ посвящена 170-летию со дня рождения Элизы Ожешко (1841–1910), польской писательницы, которая с 1870 года была связана с Гродно, где писала свои художественные тексты, занималась педагогической и просветительской деятельностью. Напечатанные в сборнике тексты – это результат совместных исследований многих ученых по научной теме „Творчество Элизы Ожешко в эстетическом пространстве современности”. Авторы из Беларуси, Польши и России, исследуя место, роль и значение личности и творчества польской писательницы, отразили стремление к сближению „славянских народов и их культур” (с. 3–4) в современном мире.

В томе помещено восемнадцать статей на белорусском, польском и русском языках и три презентации книг, посвященных творчеству Элизы Ожешко (Елена

⁴ *Эліза Ажешка ў эстэтычнай прасторы славянскіх краін. Зборнік артыкулаў*, „Книгазбор”, Мінск 2013, 175 с.